

Сулейманова Ляман Вагиф гызы
**ОБРАЗ «НА!» В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ, СОБРАННЫХ В ШЕКИ
(В СРАВНЕНИИ С ОБРАЗАМИ ДРУГИХ ОБЛАСТЕЙ)**

УДК 398.1

Постановка проблемы. Собирая в Шеки фольклорные образцы, мы столкнулись с рядом мифологических образов, выделяющиеся своей спецификой. Одним из таких образов является образ «На!». В данном регионе чаще всего он предстаёт в виде козла, кота, петуха и женщины.

«На!» в виде кота и женщины – широко распространённый образ в других областях. Однако оборотня «На!», предстающего в виде козла, нет ни в одной фольклорной литературе, изданной в настоящее время. Только в антологии фольклора Гаракоюнлу имеется текст, связанный с этим образом: «В руку силач ударил?» [4, 73]. Но и здесь нет упоминания имени образа. Видимо, оборотень «На!» в виде козла существовал в своё время и в других областях Азербайджана. Часть несобранных своевременно и на нужном уровне фольклорных образцов была забыта.

Шеки по сравнению с другими регионами, будучи более бережливо хранящим фольклор регионам, сохранил часть забытых фольклорных образцов. В том числе и образ оборотня «На!» в виде козла может считаться частью этого фольклорного наследия.

В Шеки оборотень «На!» в виде козла называется Унугай. В селе Гейнюк Шекинского района чаще встречается упоминание этого мифологического образа. В данной местности нами было зафиксировано 16 текстов, связанных с этим образом (10). Основываясь на эти фольклорных тексты, можно утверждать, что Унугай предстал в форме козла, козлёнка; и это мифологическое существо чаще встречалось по вечерам, с наступлением сумерек. Во всех собранных нами текстах, отмечается, что Унугай встречается на территориях близ кладбищ. Он, чаще всего, предстает перед всадником или путником с повозкой в виде бесхозного козла. В большинстве текстов цвет козла отмечается как белый, только в одном как черный. После выяснения того, что обнаруженная находка является не козлом, а Унугаем, ноги Унугая начинают расти. Этот рост ног говорит о том, что Унугай приобретает силу. В одном тексте Унугай говорит подобравшему его всаднику: «Твоя мать родила тебя во время намаза, выросли бы у меня ноги, вот тогда бы я посмотрел на тебя». Атрибут данного образа схож с образом, который дан в тексте №238 «Азербайджанские мифологические тексты». В данном тексте говорится о том, что один мужчина шел по пути. Проходя мимо костра, он встречается с плачущим мальчиком и берет, сажает его на круп лошади. Спустя некоторое время, он видит, что ноги мальчика растут. Затем всадник чувствует, что ребёнок сошёл с крупа лошади и зовёт его сзади. Мужчина от испуга не оборачивается. Услышав во второй раз своё имя, мужчина оборачивается и видит огромного дракона. Дракон говорит ему о том, что мать родила его во время намаза. Дракон также говорит, что если он в первый раз обернулся бы, то он его бы разорвал на клочки. А если до этого не подобрал бы и не привёл бы сюда, то и тогда бы убил. А теперь иди [8, 31]. Аналогичный текст дан и в антологии Дерелеязского фольклора [7, 26]. Выращивание рук, ног у мифологических существ – широко распространенное явление в Азербайджанском фольклоре. Отмеченный в Седерекском районе Нахчыване образ Чынтыргайш также обладает этим мифологическим качеством [10]. Чынтыргайш – мифологическое существо, встречаемое по вечерам на окраинах дорог. Оно очень худое и имеет длинные руки. Чынтыргайш видится путникам в виде беспомощной старушки или ребенка. От путников оно просит помощи. А затем обхватывает руками шею путника, который наклоняется её взять, и начинает его душить [10]. Данный образ в Нахчыванском районе встречается и под именем Кендиргайш. В записанной в данном районе сказке употребляется выражение «кендиргайш»: «Малик Джумшуд», если случался какой-нибудь переполох или скандал, не двигался с места как кендиргайш» [9, 96]. Можно сказать, что во всех текстах, с наступлением рассвета Унугай достигает окраин кладбища и само, сойдя с повозки, заходит на кладбище. Хозяин же повозки от этого немеет, а когда приходит в себя у него возникает заикание речи. В ряде собранных нами текстов, всадник, встретивший бесхозного козла, берет его на круп лошади. Спустя некоторое время у согревшегося козла начинают расти ноги и он, сидя уже как человек, начинает душить всадника. Только тогда всадник понимает, что находка является не козлом, а Унугаем. В подобного рода текстах указывается, что это мифологическое существо очень тяжелое и сильное; с наступлением рассвета само сходит с лошади и входит на кладбище. Всадник же заболевает, а после выздоровления начинает прихрамывать.

В некоторых же текстах Унугай – это мифологическое существо, которое, взобравшись на лошадь, мучает её. Эта особенность схожа с особенностью оборотня «На!» в виде женщины. Поведавшая нам этот текст отметила, что о человеке, который много трудится, суетится туда-сюда, говорят: «Такой-то похож на лошадь, на которую сел Унугай». Из этих текстов следует, что Унугай, как и оборотень «На!» в виде женщины, боится иголки, булавки. Поймав Унугая, против него тоже можно использовать иголку, булавку. Отмечие в том, что поймав «На!», иголку вонзают в его одежду. А поймав Унугая, иголку вонзают в шею или в поясницу. Только в одном тексте бесхозный козел, обманув путника, заманивает его на кладбище. Это свойство Унугая схоже с особенностью чёрта обманывать людей, а затем их заманивать.

Из другого же текста следует, что Унугай – это мифологическое существо, которое взобравшись на беременную женщину, убивает ребенка в её утробе.

В регионе также можно часть слышать выражение «Ненегай». Это выражение употребляют при обращении к неопрятной женщине. По нашему мнению, Ненегай вариант Унугая. Однако имя этого образа не отмечено в текстах. Образ оборотня – «На!» в виде кота также встречается в Шекинском регионе. В связи с этим нами собраны четыре текста [10]. В двух из них «На!» в образе черного кота предстает перед роженицами и пугает их. В другом тексте «На!» в виде кота обманывает и заманивает людей, как и чёрт. В

четвёртом же тексте, «Нал» в виде кота живет вместе с людьми. «Нал» ворует одежду хозяина, одевает её и возвращает на место; того же, кто откроет эту тайну, наказывает. Наказание «Нал»ом человека, который открыл его тайну, сходно с тем, что описано в тексте №194 «Азербайджанские мифологические тексты». В этом тексте описывается, что человек по имени Фараджулла замечает, что его кот с наступлением темноты покидает его дом, а утром возвращается. Человек выслеживает кота и приходит в один бесхозный огород. Огород бывает полон котов. Человек прячется и ждёт конца всего этого. Коты, взявшись за руки, танцуют по кругу (яллы). Кот же Фараджуллы смотрит со стороны. Через некоторое время другие коты просят кота Фараджуллы: «Мастер Фараджулла, пожалуйста, вы тоже станцуйте». Кот, присоединившись к другим котам, начинает плясать. Человек, увидев все это, возвращается домой. Кот же утром возвращается домой. Вечером после ужина человек, обращаясь к коту, говорит, что: «Мастер Фараджулла, пожалуйста, потанцуйте, мы тоже посмотрим». Услышав такое, кот быстро набрасывается на мужчину и царапает ему лицо. Мужчину еле спасают от его лап. Кот с того дня убегает из дома и не возвращается более [8, 105]. В «Гёкчейском фольклоре» имеется схожий текст. В этом тексте свирельщик Абдулла вместе с товарищами идёт продавать скот. Ночью они ночуют в одном месте. Ночью Абдулла будят и ведут на свадьбу. Мужчина видит, что его кот одет в его пальто и играет на барабане. На свадьбе люди обращаются к коту, как «Мастер Мурой». Человек, улучшив момент, прижимает свою масляную руку к подолу пальто. Через некоторое время он замечает, что он сидит один на пустыре. Утром он возвращается к себе домой и, рассказав о случившемся жене, показывает ей подол пальто. Как только Абдулла говорит: «Мастер Мурой, сыграй», кот набрасывается на него, мужчину кое-как выхватывают из его лап. Но с того дня кот больше домой не возвращается [2; 67, 79]. Еще один аналогичный текст дан в «Гянджебасарском фольклоре». Из этого текста следует, что одного мужчину пригласили на свадьбу в другую деревню. Мужчина на свадьбе видит, что незнакомая женщина одета в одежду его жены и танцует. Он быстро прикладывает жирную руку к спине женщины. Возвратившись домой, мужчина рассказывает о случившемся жене. Они, посмотрев на одежду, видят жирные следы. После того, как мужчина оканчивает рассказ, домашний кот плюёт в лицо мужчине и исчезает [6, 66]. Шекинцы женщин с широкой грудью называют «грудастая мястан (кошка)». Интересно, что слово «*məstan*» обозначает кошку и «Нал» в образе женщины представляется широкогрудым. В одном из собранных нами текстов ее зовут Мясдан. В текстах «Гёкчейского фольклора» кошку также зовут Мясданханум. Из этого текста следует, что хозяин, усомнившись в домашней черной кошке, следит за ней и приходит вслед за ней в один бесхозный дом. Мужчина из потайного места видит, что его кошку приглашают танцевать и называют её «Мясданханум». Мужчина, придя домой, рассказывает о случившемся жене. Вечером жена, не утерпев, начинает насмехаться над именем кошки. Кошка наказывает женщину и убегает из дома [2, 79].

Как видно, в текстах коты по-разному именуются и, услышав свои имена от хозяев, наказывают их. В записанных нами текстах в данном районе мы также столкнулись с образом «Нал» в виде петуха. Образ «Нал» в виде петуха встречается и у других тюркских народов. В области Шеки нами были отмечены 4 текста, связанных с образом «Нал» в виде петуха [10]. Из этих текстов следует, что «Нал» – это большой петух, который когтем выхватывает легкая или печен у роженицы, а затем опускает в воду. Следует также отметить, что в собранных и напечатанных фольклорных образцах других районов мы не столкнулись с образом «Нал»а в виде петуха. Но, основываясь на принцип «вариантность фольклора», можно предполагать, что оборотень «Нал» в виде петуха существовал (а может и существует) и в других регионах Азербайджана.

Собирая фольклорные тексты в регионе, мы также натолкнулись на образ «Нал» в виде женщины или маленькой девочки. Отметим, что такого рода тексты, по сравнению с текстами, где «Нал» предстает в образе козла, кота, петуха, встречаются чаще. Нами были отмечены 27 текстов такого рода [10]. С верованием в такого образа отмечено 8 текстов в «Шекинском фольклоре» [3, 93]. В этой антологии мы не встретили другой фольклорный жанр, где бы упоминался бы этот образ.

В отмеченных нами текстах «Нал» чаще предстал в виде высокой женщины в пребелой одежде. В большинстве текстов это мифологическое существо, которое убивает рожениц, вырвав им легкое или печень и опускающее затем их в воду.

В «Азербайджанских мифологических текстах» в 9-ти текстах из 13-ти, идущих под рубрикой «Мать «Нал» – женщина «А1»», «Нал» – это мифологический образ, который вырывает у рожениц легкое (печень) и опускает их в воду [8, 92-96]. В фольклоре региона Агбабы в тексте «Мать «Нал» и в Нахичеванском фольклоре в текстах «Бабушка «Нал»а», «Мать «Нал»а» «Нал» выполняет те же функции [5, 46; 1, 72].

В ряде же других текстов эта женщина в белом то срывает с дерева персик, то крадет из кастрюли долму и ест, то меняет местами белье на бечёвке и т.д.

В части отмеченных нами текстов «Нал» предстает в виде девочки со светлыми или белокурыми волосами. И девочка, и высокая женщина в белом боятся железных предметов и собаки. По собранным нами сведениям, существует поверье, что самый лёгкий способ избавиться от них – это заговорить землю. Тогда они не могут пройти на заколдованную территорию. По другим же источникам, «Нал» влюбляется в девушку и следит за ней до её замужества. В этом тексте «Нал» – мифологическое существо, которое хрипит и имеет длинные ногти и морщинистые руки. Рассказчик отметил, что слышал этот текст в Закатале [10]. В Шекинском районе отмечены два текста, где «Нал» упоминается как Эрдов/Ардов [10]. Отметим, что тексты, связанные с Эрдовом, заимствованы. Эрдов – это женщина с длинными волосами до пояса и большим бюстом. Она запрокидывает свои груди за плечи. Эрдов чаще атакует мужчин. Рассказчик

отмечает, что слышал этот текст в Балаканах и, что там употребительно также выражение: «такой-то похож на лошадь, которую пришпорил Эрдов». В «Азербайджанских мифологических текстах» также говорится об образе, именуемом Эрдова [8, 101]. Отмеченные нами описание Эрдов совпадает с описанием Эрдова в этом тексте. В обоих текстах Эрдов или Эрдова – женщина с большими грудями. Она ходит, запрокинув груди за плечи. Во втором тексте (Рассказчица в 1951 году вышла замуж и переехала из деревни Гараджалар Лагодехинского района Грузии в деревню Гейнюк Шекинского района Азербайджана) же образ женщины упоминается как Ардов. В этом тексте Ардова задерживают, когда она садится на лошадь. Судя по тексту, Ардов могла хорошо ткать ковры. Когда она ткёт ковры, поет песню:

Ах мама, одежда осталось в узелочке.
Где мой садик?
Где мой узелочек?
Пусть придёт тот, кто возьмет с меня мою иголку, булавку,
Пусть придёт тот, кто знает мою печаль...

Рассказчица отмечает, что эту песню часто напевала её бабушка, но весь текст она не помнит. Судя по тексту, Ардов – это обручённая девушка.

Выводы и перспектива. Естественно, эти тексты также являются частью общетюркского фольклора. И мы надеемся, что эта статья будет способствовать восстановлению общетюркского фольклора, в том числе и азербайджанского фольклора, являющегося его неотъемлемой частью.

Источники и литература:

1. Антология азербайджанского фольклора (АФА) : в 16-ти т. – Баку : Сабах, 1994. – Т. 1 : Нахичеванский фольклор / сост. : Т. Фарзалиев, М. Гасымлы. – 388 с. – на азерб. яз.
2. АФА : в 16-ти т. – Баку : Сяда, 2000. – Т. 3 : Фольклор Гейчи / сост. Г. Исмаилов. – 767 с. – на азерб. яз.
3. АФА : в 16-ти т. – Баку : Сяда, 2000. – Т. 4 : Шекинский фольклор / сост. : Х. Абдулхалимов, Р. Гафарлы, О. Алиев, В. Аслан. – 498 с. – на азерб. яз.
4. АФА : в 16-ти т. – Баку : Сяда, 2000. – Т. 4 : Фольклор Гаракоюнлу / сост. : Г. Исмаилов, Г. Сулейманов. – 464 с. – на азерб. яз.
5. АФА : в 16-ти т. – Баку : Сяда, 2003. – Т. 8 : Фольклор Акбабы / сост. : Г. Исмаилов, Т. Гурбанов. – 476 с. – на азерб. яз.
6. АФА : в 16-ти т. – Баку : Сяда, 2004. – Т. 9 : Гянджебасарский фольклор / сост. : Г. Исмаилов, Р. Гулиев. – 522 с. – на азерб. яз.
7. АФА : в 16-ти т. – Баку : Сяда, 2006. – Т. 15 : Дерелезский фольклор / сост. : Г. Мирзоев, Г. Исмаилов, А. Алекперли. – 484 с. – на азерб. яз.
8. Азербайджанские мифологические тексты / сост., авт. введ. и коммент. А. Аджалов. – Баку : Элм, 1988. – 196 с. – на азерб. яз.
9. Азербайджанские сказки : в 15-ти т. / сост. : А. Ахундов, М. Тахмасиб, Н. Сеидов. – Баку : Чыраг, 2004. – Т. 1. – 374 с. – на азерб. яз.
10. Неуказанные источники даны из личного архива автора.

Казимагомедова Ф.И.

УДК 82

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОНЕТА И ВЕНКА СОНЕТОВ В ДАГЕСТАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Процесс зарождения и развития жанра сонета в дагестанской поэзии сложен и неоднозначен. Отношение к сонету в мировой литературе было разным: то поэты обращались к его строгой нормативности, демонстрируя профессионализм и собственные поэтические возможности, то вновь возвращались к наиболее привычным поэтическим жанрам, формам. Возникли целые школы сонета, и каждая добавляла к нему что-то свое национальное, тем самым расширяя и обогащая строгую диалектическую структуру сонета. Он знал годы расцвета и годы спада.

Традиционные стилевые требования к сонету - это возвышенная лексика и интонация, точные и редкие рифмы, запрещаются переносы, повторы знаменательного слова в одном и том же значении. Несмотря на первичную каноническую систему рифмовки, в настоящее время в дагестанской поэзии встречаются сонеты с отклонением от принятой системы рифмовки.

В 60-е годы XX века становится популярен веночек сонетов, и еще более интерес к нему возрастает в семидесятые (М.Дудин «Орбита», К.П.Антокольский «Венок сонетов», В.Солоухин «Венок сонетов», Т.Гнедич «Одесский веночек сонетов») [1: 25].

В последующие годы веночек сонетов так распространился в поэзии, что стал довольно обычной формой, в какой-то мере даже более популярен, чем сонет. Этот же процесс прослеживается и в дагестанской литературе в частности в лезгинской поэзии.

Распространение сонета в русской поэзии в свою очередь оказало влияние на растущую популярность его во многих национальных литературах нашей страны, в том числе и дагестанской.

Дагестанская литература становится обладательницей новых жанров сонета, венка сонетов, прежде считавшихся преимуществом европейской литературы.

Сонеты и «венки» пишут и писали поэты разных творческих устремлений - Р.Гамзатов, Ш.-Э.Мурадов, Х.Хаметова, А.Алем, М-З. Аминов, А.Магомед, И.Гусейнов, Ю.Базутаев, А.Джачаев, А.Хочбаров,